

«Птицы во многом совершеннее и рациональнее людей»

Ни одна статья в нашей газете, посвящённая пернатым, не обходится без профессионального и, что немаловажно, — интересно — комментатора орнитолога, старшего научного сотрудника заповедника «Белогорье» Александра Соколова. Кажется, нет такого вопроса о птицах, на который он не знал бы ответа. А замечательные фотоснимки Александра Юрьевича, которые иллюстрируют его рассказы! Как можно выбрать один-два, когда пичуги со всех так и просятся на полосу?! Но сегодня — в каун его профессионального праздника — мы попросили орнитолога рассказать не только о забавных повадках пернатых, но и о тонкостях его работы.

Любовь с детства

— Александр Юрьевич, как вы заинтересовались биологией?

— Среди моих близких и не очень родственников биологов, насколько мне известно, не было. Но я вырос в постоянном общении с природой. С четырех лет родители, а позже и бабушка по линии отца постоянно брали меня с собой в лес за грибами. С шести лет отец — заядлый рыбак и охотник, неплохо знающий нашу природу, птиц и зверей — начал брать меня на рыбалку и охоту. Постепенно эти занятия переросли в мои личные увлечения. В детстве моей любимой телепередачей была «В мире животных». И конечно, большую воспитательную роль сыграли книги о природе Пришвина, Паустовского, Сладкова, Сетона-Томпсона, которые покупала мне мама. Но любимым писателем детских лет был Виталий Бианки. Первую его книгу — «Рассказы и сказки» — читала мне бабушка, которая была учителем русского языка и литературы. А потом уже в сам не раз ее читал и перечитывал.

Параллельно с книгами о природе мои биологические интересы подкреплялись сборанием открыток, которые в то время продавались тематическими наборами. Самыми

первыми в моей коллекции, со временем ставшей довольно богатой, были с рисунками бабочек. Однако венцом этой коллекции стали содержательные и замечательно иллюстрированные — в том числе непревзойденными по своей графике рисунками Вадима Горбатова — наборы открыток с птицами. Были среди этих открыток и штучные — с фотографиями пернатых, многие из которых были сделаны и известным фотографом-анималистом Борисом Нечаевым. Таким образом, вопрос о будущей профессии — что она непременно будет связана с природой — я ещё в детстве решил для себя однозначно.

— А почему из всего многообразия направлений вы выбрали именно орнитологию?

— Примерно в седьмом классе в книжном магазине на «карманные» деньги я купил свой первый полевой определитель «Птицы открытых и околоводных пространств СССР», написанный нашими орнитологами — Беме и Кузнецовым. Я часами пересматривал иллюстрации этого определителя, некоторые старательно перерисовывал себе в альбомы и бложноты. А годом ранее бабушка подарила мне сборник очерков Леонида Семаго «Аристократы неба», на годы ставший моей настольной книгой. И сам Леонид, Леонидович, выступления которого регулярно передавали по нашему областному радио, фактически стал моим первым учителем. К слову, он же читал курс «Зоологии позвоночных животных» на биолого-почвенном факультете Воронежского государственного университета, куда я поступил в 1986 году.

— Интересно было учиться?

— Я считаю, что мне очень повезло — с первого курса влился в компанию орнитологов-старшекурсников, со многими из которых и сейчас поддерживаю коллегиальные отношения и сотрудничаю в написании совместных исследовательских трудов. И я очень благодарен им за то, что в своё время они таскали меня с собой «в поля», делились опытом. Хотя и мне тоже было чужо делиться с ними, как уже практически состоявшемуся охотнику, знавшему повадки многих птиц и зверей. А тогда нас ещё объединяло членство в факультетской Дружине охраны природы. Наиболее яркие воспоминания той поры связаны с нашими наблюдениями за массовым весенним пролётом водоплавающих птиц в устье реки Воронеж, наблюдениями за хищными птицами в Воронежском заповеднике и студенческой экспедицией по реке Хопер в 1988 году, во время которой мне посчастливилось сделать несколько интересных и значимых орнитологических находок.

занимающих птиц. Все это позволяло накопить большой объём данных. Вдохледствия многие из них были использованы в разных научных публикациях — их у меня уже не одна сотня, лежали в основу моей кандидатской диссертации. Осмеливаюсь считать, что за годы работы внес весомый вклад в орнитологические исследования в масштабах Центрального Черноземья, в том числе и Белгородской области, оставил небольшой след на общероссийском уровне и отмечен на международном.

— Какими качествами, навыками и умениями должен обладать хороший орнитолог?

— Во-первых, он должен однозначно любить своё занятие и быть готовым многим жертвовать ради него. Мало знать свой «объект» — нужно быть наблюдательным, чтобы видеть птиц и слышать их. Наличие музыкального слуха очень актуально — без этого трудно определять птиц по голосам. Орнитологу необходима хорошая физическая подготовка — иногда случается проходить не один десяток километров. Ну и нужно быть готовым терпеть коварные укусы, холод, зной и некомфортные бытовые условия в полевой обстановке. А ещё в нашей работе существует много всякой более узкой специфики: кто-то в своих исследованиях использует довольно сложные гаджеты, у кого-то возникает необходимость периодически лазить по высоким деревьям, а кто-то уйму времени изо дня в день тратит на выпутывание сотен отловленных птиц из специальных сетей, чтобы потом их взвесить, обмерить, сфотографировать. Конечно, это утомляет. Но всё равно по-настоящему увлечённых людей снова и снова тянет заниматься такой работой.

Поговорим о птичках

— Александр Юрьевич, вы всегда так интересно рассказываете о повадках птиц... Чем они вас радуют и удивляют?

— Последние несколько лет в Хреновском бору я по несколько месяцев наблюдал за гнездовыми парами двух крупных и редких хищных птиц — змеяеда и большого подорлика. В силу экологической специфики и ограниченной кормовой базы у первого в гнезде никогда не бывает больше одного птенца, у второго тоже один, два — большая редкость. Для охоты им необходимы участки с низким умеренно развитым травостоем — то есть, сенкосные луга. Но у нас в Черноземье это сейчас большая редкость. Поэтому птицам приходится охотиться —

— Фотографировать я начал ещё в студенческие годы. Но пользование плёночной техникой было сопряжено с некоторыми проблемами. Поэтому появление цифровых камер открыло массу новых возможностей и перспектив. Серьёзно заниматься фотографией я начал в 2012 году, когда стал счастливым обладателем зеркального Pentax K5. Приобрёл я его с авторского гонорара за книгу «Животный мир Белгородской области», соавтором которой являлся. Фотографировать птиц и животных мне помогает охотничий опыт — но ружейную охоту я давно оставил. Хорошо сфотографировать птицу или зверя непросто — нужно, чтобы и свет был с правильной стороны, и никакие ветки в кадре не мешали, и чтобы расстояние было минимальным. Особенно воспоминания у меня связаны с самыми первыми съёмками бекаса, усаых синиц, зимородков. Длго я охотился за огарями, змеяедами и сизоворонками. Чтобы собрать максимально полный фотоархив нашей фауны — за последними даже специально ездил в Белгородскую область, потому что в Черноземье сизоворонки теперь практически исчезли.

Оказалось, что фотографирование можно удачно сочетать с исследовательской деятельностью. Во-первых, сидя в скрадках — специальных замаскированных укрытиях — и наблюдая за разными сторонами жизни птиц, мне удалось собрать много интересных сведений о поведении пернатых. Затем, благодаря фотографии, а именно — более длительному проведению времени в тех или иных местах — расширились представления о распространении и встречаемости некоторых видов птиц, считавшихся прежде редкими. Когда сидишь в скрадке на каком-нибудь интересном водоёме 4–5 часов кряду — результативность наблюдений повышается на порядок. Наконец, «скорострельность» камеры и

возможность сделать большое количество кадров позволяют зафиксировать интересные особенности. Например, мне не раз удавалось зафиксировать факты, касающиеся

— После вуза вы сразу пришли работать в заповедник «Белогорье»?

— Нет, в штате научного отдела заповедника «Белогорье» я работаю по совместительству только 15 лет. После окончания вуза я вернулся в свой родной Бобровский район Воронежской области и устроился на должность старшего научного сотрудника в районный краеведческий музей. Потом неоднократно менял место работы, а вот месту проживания ни разу не изменял — родная природа не отпускает. Всегда шушу по этому поводу, что многим хищным птицам, например, орлам и соколам — основным объектам моих исследований — присущ так называемый гнездовой консерватизм — привязанность к избранной для обитания территории. Кроме того, знаете, есть такая поговорка — орнитологическая! — «Всяк кулик свое болото хвалит». Вот, следуя ей, хочу сказать, что природа здесь по своему многообразию и уникальности объективно выделяется в масштабах Центрального Черноземья. У нас проходит граница лесостепи и степи, протекает живописная река Битюг, расположен тот самый Хреновской бор... Благоприятней условий для орнитолога в пределах нашей полосы не найти — поэтому мне нередко завидуют многие мои коллеги.

— Наверное, потому вы и не изменили однажды выбранной профессии...

— Да, орнитологических исследований в том или ином виде я не оставлял никогда. Ещё с 1989 года начал вести полевые дневники, в которых записывал любую фактологическую информацию — о погоде, численности и поведении птиц и зверей. Причем собирал ее не только целенаправленно — в поездках и экспедициях, но и попутно — во время байдарочных сплавов, походов за грибами, поездок на сельхозработы в поля. Во время зимней охоты, например, много лет умудрялся параллельно проводить учёт

НУЖНО БЫТЬ НАБЛЮДАТЕЛЬНЫМ, ЧТОБЫ ВИДЕТЬ ПТИЦ И СЛЫШАТЬ ИХ. НАЛИЧИЕ МУЗЫКАЛЬНОГО СЛУХА ОЧЕНЬ АКТУАЛЬНО — БЕЗ ЭТОГО ТРУДНО ОПРЕДЕЛЯТЬ ПТИЦ ПО ГОЛОСАМ.

первому на змей и ящериц, второму — на грызунов и ящериц — в абсолютно некомфортных условиях. Самец подорлика мог часами летать над заросшим лугом и совершать один неудачный бросок за другим, прежде чем ему удавалось поймать какую-нибудь мышку, чтобы отнести ее насживающей яйцу самке. А когда птенцы обеих пар немного подрастали, к прокорму присоединялись и самки. Эти птичьи родители, следующие своим природным инстинктам, были просто образцом заботы о потомстве. Я очень проникся к ним, невольно очеловечивая обе пары в их родительских стараниях. А прежде за долгие годы изучения птиц мне ничего подобного даже в голову не приходило...

И второй пример. Несколько лет назад я повесил кормушки для птиц в лесу в пойме Битюга — помимо тех, что ежегодно вешаю во дворе своего дома. Цели было две — собственно подкормка и фотографирование. Изначально я думал, что сёмки диких птиц придется прибегать к дополнительным ухищрениям — по логике они должны быть более пугливыми и осторожными. Но практика показала обратное, что стало для меня полнейшим открытием. Птицы быстро привыкли и всегда оживлённо реагировали на мой приход, слетаясь к кормушкам. Причем не только поползни и разные синицы, но и дятлы. За первую зиму я перефотографировал всех своих «постояльцев». На вторую зиму в пасмурные дни, не подходящие для фотосъёмки, от скуки я пустился на эксперимент — попробовал приучить птиц брать семечки с руки. И очень быстро он увенчался успехом! За кормом на руку прилетали и большие синицы, и лазоревки, и гаички. Последние оказались самыми доверчивыми. И это, скажу я вам, ни с чем не сравнимые ощущения и впечатления!

— Как раз хотела спросить о вашем фотографическом хобби. Мне кажется, оно удачно дополняет вашу работу по наблюдению за птицами...

питания разных видов птиц, которых я запечатлел с их добычей — иногда весьма неожиданные. К тому же цифровые снимки хорошего качества не раз приводили к фаунистическим «открытиям»: при детальном анализе фотографий в отснятых объектах узнавались совсем не те виды птиц, которыми они показались изначально в процессе спешной фотосъёмки. И иногда это оказывались крайне редкие виды!

— Чем птицы похожи на нас, людей, и в чём отличаются? И что мы можем сделать, чтобы сохранить их видовое разнообразие?

— Оставляю в стороне до сих пор обсуждаемый вопрос по поводу наличия или отсутствия интеллекта у птиц. Во многом они совершеннее и рациональнее нас. Но во многом уязвимы — прямо или косвенно — от нашей повседневной деятельности. Поэтому на нас лежит большая ответственность за сохранение их видового разнообразия, среды обитания. При этом птицы очень отзывчиво и позитивно реагируют на грамотные природоохранные и биотехнические мероприятия. Но, к сожалению, далеко не все люди готовы на такие шаги.

— Какие угрозы со стороны человека сегодня наиболее серьезны для птиц?

— Из массы наиболее острых проблем выделю три, актуальные в нашем регионе. Во-первых, в последние годы многократно возросла рекреационная нагрузка на природные ландшафты. Отдыхающие на внедорожниках, квадроциклах, моторных лодках и прочих средствах передвижения проникают везде и всюду, вытаптывая, распушивая и губя всё на своём пути. Во-вторых, в позапрошлом, кажется, году было утверждено новое, совершенно преступное, я считаю, положение об охоте, которое существенно продляет сроки ее проведения. Это однозначно плохо, в том числе для многих видов птиц. И, наконец, в последние годы в нашем сельском хозяйстве после некоторого спада вновь активизировалось применение химических препаратов в разных целях. Это зачастую либо убивает самих птиц, либо их кормовые объекты — насекомых и грызунов.

Помимо попыток решения этих проблем на министерских уровнях важна ещё активная позиция и реакция общественности, до которой нужно донести серьезность последствий такого безответственного отношения к природе.

Беседовала Тамара АКИНЬШИНА
Фото из личного архива Александра Соколова